

Взгляд Васманна на происхождение человѣка.

(Продолженіе).

3.

Богословскія соображенія Лабоша о первочеловѣчествѣ.

Хотя Васманнъ принялъ тезисъ, что наука не знаетъ ничего о происхожденіи человѣка и хотя нельзя сомнѣваться въ его искренности, однако несомнѣнно онъ имѣетъ побужденія признавать животное происхождение человѣческаго тѣла. Дѣло въ томъ, что Васманнъ—сторонникъ теоріи эволюціоннаго происхожденія видовъ и самъ нѣкоторыми своими работами стремился содѣйствовать обоснованію этой теоріи. Но эволюціонное происхождение человѣческаго тѣла тогда подсказывается, какъ логическій выводъ изъ общей теоріи развитія. Если Васманнъ и не настаиваетъ на такомъ происхожденіи рѣшительно, онъ откровенно допускаетъ его возможность. Возникаетъ вопросъ: какъ при такомъ допущеніи нужно представлять исторію первочеловѣчества? Васманнъ отвѣчаетъ слишкомъ обще. Въ выработавшуюся эволюціоннымъ путемъ высшую органическую форму Богъ вложилъ предназначенную къ вѣчному существованію разумную и нравственно свободную душу. Этотъ короткій отвѣтъ вызываетъ много недоумѣній. Какъ на нѣкоторую попытку разсѣять ихъ, можно смотрѣть на статью *Le Dogme des dons préternaturels*¹⁾, принадлежащую М. Лабошу, профессору Догматики въ парижской высшей школѣ католическаго богословія.

1) *Revue pratique d' Apologétique* 1907. Т. IV. № 37.

Богъ, говорить Лабошъ, по ученію отцовъ тридентскаго собора, поставилъ перваго человѣка въ состояніе святости и правды, однимъ словомъ, въ благодатное состояніе. Въ тоже время и потому, что человѣкъ былъ поднять до порядка сверхъестественнаго, Богу было угодно совершенствовать его природу, воздѣйствуя на него не только обыкновеннымъ образомъ, какъ на все сотворенное, но еще и способомъ необыкновеннымъ. Мы не знаемъ, каковъ этотъ способъ, но утверждаемъ, что онъ существовалъ.

1) Богъ сохранялъ человѣка въ этой земной жизни неопредѣленно долгое время, т. е. Онъ сообщилъ человѣку сверхъприродный даръ безсмертія или *изъятія изъ смерти*.

2) Вслѣдствіе особаго божественнаго воздѣйствія происходило также, что человѣкъ, сохраняя способность грѣшить, былъ сильно укрѣпленъ въ своей нравственной волѣ. Поэтому онъ могъ исполнять свой долгъ съ величайшею легкостью. Идея зла, если она и предносилась его духу, не возбуждала страстей его сердца или, по крайней мѣрѣ, если и происходило легкое возбужденіе, нравственная воля препятствовала тому, чтобы оно получило развитіе. Такъ ни воображеніе, ни чувственные впечатлѣнія не возбуждали безмѣрно чувственныхъ желаній или, по крайней мѣрѣ, если какое нибудь эксцессивное движеніе проявлялось, нравственная воля непосредственно подавляла его своею могучею силою.

Страсть сердца, когда она особенно сильна и постоянно, какъ привычка, остается въ одномъ и томъ же состояніи, вслѣдствіе чего она становится силою способною болѣе или менѣе легко получить согласіе нравственной воли, такая страсть называется похотью. Различаютъ похоть почести или гордость и похоть благъ этого міра или любовь къ богатствамъ. Влеченія чувствъ, когда они становятся особенно сильны и постоянно стремятся увлечь за собою волю, называются похотью плоти или чувственностью.

Первый человѣкъ всенілемъ его нравственной воли былъ *изъятъ отъ похоти*, хотя въ немъ сохранилась способность грѣшить и оставалась практическая возможность похоти. Это изъятіе было вторымъ сверхъприроднымъ даромъ.

3) Какъ вслѣдствіе особаго божественнаго воздѣйствія первый человѣкъ не испытывалъ никакого труда въ дѣлѣ

управленія своими страстями, такъ онъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій при совершеніи своихъ внѣшнихъ дѣлъ. Такъ къ изытію отъ нравственной скорби вызываемой грѣхомъ присоединялось въ немъ *изытіе отъ страданія* вызываемого *тяжкимъ* усиліемъ. Это — третій сверхприродный даръ.

4) Къ этимъ тремъ дарамъ Творецъ присоединилъ еще *изытіе отъ невѣдѣнія* чрезъ сообщеніе Адаму высшаго знанія о вещахъ божественныхъ, о мірѣ и человѣчествѣ, основателемъ котораго и предстателемъ предъ Богомъ онъ былъ. Размѣры этого знанія Перронъ опредѣляетъ такъ: Адамъ зналъ все то, что ему было необходимо знать въ его положеніи. Существованіе такого знанія предполагается тѣми обязанностями, которыя Адамъ долженъ былъ выполнять и обуславливается другими полученными имъ дарами. Гораздо менѣе ее можно основывать на тѣхъ или другихъ текстахъ (Быт. 2, 19—20; Прем. сына Сирах. 17, 5). Вопросъ объ этомъ дарѣ ни *explicite*, ни *implicite* не содержится ни въ какомъ сборномъ опредѣленіи.

Какъ высказывалась церковь объ этихъ дарахъ?

Даръ изытія отъ смерти, сообщенный первому человѣку, есть истина вѣры, опредѣленная на пленарномъ карагенскомъ соборѣ 418 г., акты котораго были одобрены папою Зосимомъ. Эта доктрина была принята тридентскимъ соборомъ подъ формою заимствованною у ап. Павла, что смерть поражаетъ всѣхъ людей въ наказаніе за грѣхъ, въ которомъ они рождаются, какъ происходящія отъ грѣшнаго Адама.

Даръ изытія отъ похоти также есть истина вѣры, опредѣленная пленарнымъ карагенскимъ соборомъ объявившимъ, согласно ап. Павлу, что грѣхъ, т. е. похоть, разсматриваемая, какъ причина грѣха Адама и грѣховъ всѣхъ его потомковъ, вошла въ міръ по винѣ перваго человѣка.

Изытіе отъ страданія не опредѣляется *explicite*. Оно должно быть разсматриваемо какъ истина вѣры, потому что оно опредѣляется *implicite* по намѣренію соборныхъ отцовъ во второмъ декретѣ V сессіи тридентскаго собора.

Эти сверхприродные дары должно разсматривать какъ блага порядка естественнаго, данныя человѣку условно подобно съ его поднятіемъ къ строю сверхприродному. Благотатная жизнь есть какъ бы заключительный камень боже-

ственного дѣла реализованнаго въ Адамѣ. Но если человѣкъ разрушилъ сверхъестественный строй вслѣдствіе своей тяжелой вины, то по божественному плану прекратился особенный способъ воздѣйствія на человѣка.

Священное Писаніе и патристика ясно раскрываютъ это ученіе.

Повѣствованіе третьей главы кн. Бытія не оставляетъ сомнѣнія, что изъятіе отъ смерти было обеспечено первому человѣку. Смерть является здѣсь наказаніемъ за нарушеніе положительной заповѣди, и текстъ выясняетъ, что человѣкъ не умеръ бы, если бы не согрѣшилъ. Однако изъятіе отъ смерти не было естественнымъ даромъ для человѣка. Напротивъ, представленный своимъ собственнымъ силамъ человѣкъ долженъ бы былъ умереть, потому что онъ только прахъ и потому что для такого существа естественно обратиться въ прахъ. Безсмертіе представляется здѣсь, какъ сверхъприродный даръ, который, если бы человѣкъ остался вѣрнымъ, Богъ продолжалъ бы подавать человѣку чрезъ непрестанное сообщеніе ему нѣкоей чудесной жизни, что символизировалось древомъ жизни.

Въ послѣдующихъ священныхъ книгахъ это ученіе получаетъ капитальную важность. Съ особенною силою оно развивается въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ говорится, что „однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть; такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили“ (5, 12). Изъ совокупности такихъ текстовъ вытекаетъ, что первый, человѣкъ получилъ даръ изъятія отъ смерти.

Точно также онъ получилъ даръ изъятія отъ похоти. По ап. Павлу, на самомъ дѣлѣ, мы всѣ умираемъ, потому что мы всѣ грѣшники. Грѣхъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не представляетъ допускаемыхъ нами личныхъ преступленій, но это есть сила грѣха, т. е. похоти, которую мы всѣ получаемъ при рожденіи вслѣдствіе того, что мы всѣ согрѣшили въ Адамѣ. Итакъ, ап. Павелъ учитъ, что преступленіемъ перваго человѣка похоть и грѣхъ заразъ вошли въ міръ. Изъятіе отъ смерти представлено на первомъ планѣ, изъятіе отъ похоти—на второмъ.

Должно отмѣтить, что это ученіе примыкаетъ къ находящемуся въ Екклесіастѣ (7, 30) и премудрости сына Сира-

хова (17, 1—10), гдѣ говорится, что Богъ далъ первому человѣку совершенную праведность нравственной воли, т. е. по контексту силу господства надъ всѣми своими страстями.

Основаніе этого ученія должно искать въ книгѣ Бытія, гдѣ говорится, что первый человѣкъ прежде его паденія находился въ состояніи, которое онъ не сохранилъ послѣ грѣха: нарушеніе заповѣди возбудило въ немъ похоть плоти (2, 25; 3, 7—10).

Бытіе (3, 17—20) учитъ еще, что послѣ преступленія Адамъ и Ева были осуждены на физическія бѣдствія обусловленныя тяжкимъ пожизненнымъ трудомъ. Нужно ли заключать отсюда, спрашиваетъ Лагранжъ, что прежде грѣха они не трудились? Нѣтъ, потому что трудъ свойствененъ человѣку. Но прежде паденія вслѣдствіе божественной благодати, которою они пользовались, имъ все удавалось, все было легко, между тѣмъ какъ послѣ паденія, особая Божественная помощь была у нихъ отнята, все стало для нихъ сомнительнымъ и труднымъ.

Отсутствіе физическаго страданія было лишь однимъ изъ элементовъ ихъ благополучія. Когда они жили въ невѣдѣніи грѣха, въ близости съ Богомъ, они находились въ состояніи такого блаженства, которое невозможно представить.

Ученіе писанія было принято и развито Августиномъ и всѣми отцами, которые слѣдовали за нимъ. Существовало ли это ученіе въ вѣка предшествовавшіе эпохѣ славнаго учителя латинской церкви? Этотъ вопросъ позволительно поставить.

Въ концѣ II вѣка на западѣ св. Ириней утверждаетъ въ выраженіяхъ очень ясныхъ, что первый человѣкъ вслѣдствіе своего паденія потерялъ даръ изъятія отъ смерти или безсмертіе; онъ прибавляетъ, что это преимущество могло быть восстановлено лишь чрезъ воплощеніе Сына Божія. Принимая человѣчество и дѣлая его своимъ, Сынъ Божій, какъ антидотъ, сообщилъ ему жизнь (Наег. Lib. III, XIX, 1). Здѣсь на первомъ планѣ идетъ рѣчь о жизни благодатной и на второмъ о жизни естественной.

Ученикъ св. Іустина, Таціанъ, писавшій почти въ то же время какъ и Ириней, учитъ въ своей рѣчи противъ грековъ, что человѣкъ созданный безсмертнымъ вслѣдствіе

своего грѣха потерялъ то преимущество, которое ему далъ Богъ (Or. adv. Graec. 11; M. P. G. VI, 829).

Въ III-мъ вѣкѣ Тертулліанъ поддерживаетъ то же ученіе, въ своемъ сочиненіи противъ Маркіона, но особенно онъ занимается вопросомъ о происхожденіи похоти. Въ трактатѣ De Anima онъ говоритъ, что похоть вошла въ міръ только вслѣдствіе нарушенія закона, произведеннаго первымъ чловѣкомъ. Раньше Адамъ имѣлъ плоть чистую (De Anima, 44—41; M. P. L. II, 719). Ученіе Тертулліана было принято его ученикомъ Кипріаномъ: оно послужило основаніемъ ученія Августина.

Въ восточной церкви ученіе отцовъ, очень бѣдное по вопросу о благодатномъ состояніи перваго чловѣка, напротивъ очень богато по вопросу о сверхприродныхъ дарахъ. Въ произведеніяхъ писателей III вѣка—особенно у Оригена (in Rom. lib. V, 1. M. P. G. XIV, 1011), въ писаніяхъ отцовъ IV в.—особенно у каппадокійцевъ: Василия, Григорія Назіанзина, Григорія Нисскаго—смерть, похоть и страданіе, овладѣвшія Адамомъ, представляются какъ слѣдствіе грѣха. Прежде преступленія Адамъ по Божественной особенной благодати былъ изъятъ отъ всѣхъ этихъ бѣдствій.

Такъ по Лабошу, св. Писаніе и Отцы учать о существованіи сверхприродныхъ даровъ у перваго чловѣка. Какъ согласить это ученіе съ современными антропологическими воззрѣніями на первочеловѣчество? Разсужденію объ этомъ Лабощъ посвящаетъ послѣднюю часть своей статьи. Какъ и Васманнъ, онъ утверждаетъ необоснованность десцендентныхъ теорій. Онъ принимаетъ, что чловѣчество представляетъ собою одинъ родъ, но и одинъ родъ можетъ происходить или отъ многихъ родоначальниковъ или отъ одной пары. Взгляды эти значительно различаются между собою. Если принять допускаемую Васманномъ возможность эволюціоннаго происхожденія чловѣческаго тѣла, то тогда естественнѣе всего представить, что сразу явился цѣлый чловѣческій родъ. Какъ разобраться въ этомъ? У Лабоша мы не находимъ отвѣта на естественно возникающіе вопросы. Съ церковной точки зрѣнія гипотезу Васманна онъ считаетъ допустимой, но рекомендуетъ сохранять по отношенію къ ней благоразумное сомнѣніе (*un doute prudent*).

1.

Теоріи происхожденія человѣка, посредствующія между Библіею и дарвинизмомъ.

Прежде чѣмъ католическіе богословы выступили съ заявленіемъ, что возможно допустить эволюціонное происхожденіе тѣла человѣка, существовалъ уже рядъ теорій, представлявшихъ въ различной мѣрѣ и степени компромиссъ между дарвинизмомъ и Библіею. Теоріи эти не получили развитія и распространенія, ихъ уже заволакиваетъ мгла забвенія, но какъ ни смотрѣть на нихъ, въ нихъ есть много отдѣльных цѣнныхъ мыслей и нѣкоторыя содержащіяся въ нихъ предположенія, порою высказанныя безъ всякихъ основаній, теперь выступаютъ на свѣтъ вновь независимо отъ старыхъ авторовъ и уже на основаніи фактовъ. Поучительно для обсужденія занимающаго насъ важнаго вопроса вспомнить нѣкоторыя изъ этихъ забытыхъ ученій.

Въ ряду различныхъ ученій о происхожденіи человѣка своеобразное мѣсто занимаетъ книжка Снеля, „Die Schöpfung des Menschen“. Его теорія отличается большою оригинальностью и наименьшею извѣстностью. Въ первый разъ сочиненіе Снеля вышло въ 1863 г. Въ 1887 вышло послѣднее изданіе его сочиненія подъ заглавіемъ. „Vorlesungen über die Abstammung des Menschen“. Aus dem handschriftlichen Nachlasse von Karl Snell ord. Professor der Mathematik und Physik an der Universität Iena herausgegeben von Prof. Dr. Rudolf Seydel. Мы не видали этого посмертнаго изданія, но, судя по библиографическимъ отзывамъ о немъ, авторъ не измѣнилъ своей теоріи, а только подтвердилъ ее нѣкоторыми новыми данными. Авторъ былъ и остался дарвинистомъ, но только на сочиненіи его кромѣ вліянія доктрины британскаго натуралиста, опочилъ духъ нѣмецкаго идеализма. Онъ не видитъ въ человѣкѣ только игру случая, продуктъ, созданный эволюціонными факторами, онъ видитъ въ немъ результатъ таинственнаго развитія какого то зародыша, уже въ самомъ началѣ своего существованія заключавшаго въ себѣ нѣчто разумное и божественное.

Всѣ животныя и человѣкъ имѣютъ, по Снелю, одного общаго прародителя въ нѣкоторой первобытной формѣ, но тѣмъ не менѣе различіе, существующее между животными

и человѣкомъ есть не количественное, а качественное. Надъ всѣмъ живущимъ на землѣ человѣка поднимаетъ его разумъ— „дѣятельность всеобщаго въ его мысли и возможность безусловнаго въ его нравственной волѣ“ (S. 141—142). Разумъ не является только дальнѣйшимъ развитіемъ инстинкта животныхъ: инстинктъ слишкомъ ограниченъ и узокъ, и потому изъ него не могъ возникнуть разумъ. Должно предположить отъ вѣчности существующую разумную первооснову, изъ которой могъ развиться самосознательный и дѣятельный разумъ. Разумная человѣческая природа могла развиться только отъ такого прародителя, который уже самъ носилъ въ себѣ непрерывное разумное начало. Отъ этого прародителя произошло два ряда существъ, изъ которыхъ одни стали рабами тѣхъ внѣшнихъ факторовъ, которые заправляютъ развитіемъ всякаго чувственно проявляющагося бытія, другія въ постепенно развивающейся конкретной формѣ сдѣлались носителями и органами безконечнаго. Первый рядъ обнимаетъ собою міръ животныхъ, къ второму принадлежитъ человѣкъ. Здѣсь мы видимъ примѣръ примѣненія маіоратнаго права. Въ природѣ имѣетъ значеніе право духовнаго первородства. Отъ перваго маіоратнаго владѣльца идетъ рядъ первенцевъ, которые вступаютъ въ обладаніе его преимуществомъ и его правами и всѣ стоятъ на одной и той же ступени къ жизни. Но младшіе сыновья перваго маіоратнаго владѣльца, какъ равнымъ образомъ и слѣдующія поколѣнія, производятъ другое потомство, не похожее на поколѣніе перворожденныхъ ни по богатству, ни по положенію въ жизни. Изъ этого потомства многіе члены часто ниспадаютъ на низшія ступени животной лѣстницы. Люди представляютъ рядъ первенцевъ; имъ первый прародитель отдалъ въ наслѣдство маіоратъ разума. Царство животныхъ составляютъ тѣ члены потомства, которые произошли отъ одного общаго съ ними корня, но которые, будучи лишены представленнаго первенцу маіората разума, опустили и упали до настоящаго своего животнаго существованія.

Многіе, навѣрное, склоняются къ мнѣнію, что тѣ созданія, которыя носили въ себѣ зерно столь великаго будущаго, съ самаго перваго времени самымъ своимъ внѣшнимъ видомъ, какъ непреходимую бездну, отдѣлялись отъ всѣхъ остальныхъ существъ, которымъ суждено влачить столь бѣдную и жал-

кую жизнь, какъ конечный результатъ ихъ развитія. Но на основаніи всѣхъ тѣхъ аналогій, которыя представляетъ намъ природа, это не должно считать необходимымъ. Эмбриональные зародыши, млекопитающихъ такъ сходны, что—за исключеніемъ незначительнаго различія по величинѣ—самый лучший микроскопъ и самый тонкій анализъ не въ состояніи открыть различіе между зародышами волка, лошади и человѣка. Конечно, кто могъ бы своимъ взоромъ проникнуть за предѣлы чувственнаго міра въ глубочайшія основы сушаго, тотъ пророчески могъ бы прозрѣть будущее этихъ неразвернувшихся организацій. Кто видѣлъ грековъ въ то время ихъ жизни, когда они еще можетъ быть приносили человѣческія жертвы, тотъ едва ли могъ различить ихъ отъ служителей Ваала и Молоха. Но кто могъ бы по историческому зародышу прочесть его духовное будущее, т. е. кто имѣлъ бы даръ пророчества, тотъ навѣрное нашелъ бы ихъ совершенно различными и усмотрѣлъ бы въ однихъ только грубыхъ рабовъ Молоха, а въ другихъ нѣчто такое, чтобы стать сынами Божиими—Фидіями, Софоклами и Платонами. Точно также и предки человѣка навѣрное отличались отъ предковъ животныхъ внутреннимъ тонкимъ выраженіемъ на своей фізіономіи, и какъ изъ глазъ дитяти часто смотритъ на насъ съ удивительнымъ и трогательнымъ глубокомысліемъ его зарождающаяся душа, такъ и сокровенная молчаливая тайна человѣческой души могла выдать себя во взглядѣ и выраженіи первичнаго организма чѣмъ-нибудь понятнымъ, выразительнымъ, глубокимъ. И если бы духъ, проникающій въ глубину сущности, могъ сквозь глаза этихъ твореній заглянуть въ тайники ихъ душъ и провидѣть печальное искаженіе и аномаліи, которымъ въ послѣдствіи подверглась человѣческая природа, кто знаетъ, не изрекъ ли бы онъ:

Wie gross war diese Welt gestaltet,

So lang' die Knospe sie noch barg;

Wie wenig auch hat sie entfaltet,

Dies wenige wie klein, wie karg (см. S. 130—134).

Такъ какъ и люди и животныя произошли отъ одного прародителя, въ которомъ объединялись свойства, присущія человѣку и животнымъ, то изъ этого вытекаетъ, что существо, отъ котораго произошли и люди и животныя, не могло

быть вполне похоже ни на человѣка въ его настоящемъ, вполне сформированномъ видѣ, ни на живственныхъ. Оно должно было удерживать основныя черты того и другого уклада—занимать средину между ними. Нынѣшняя форма человѣка не есть „даръ природы или Божества“, а наслѣдство, доставшееся ему послѣ вѣкового развитія безъ разумно-свободнаго содѣйствія съ его стороны. Этимъ развитіемъ въ значительной мѣрѣ заправляло психическое начало, живущее въ человѣкѣ, хотя и не свободно. Миръ сновидѣній и ночная жизнь души играли въ этомъ развитіи весьма важную роль (объ этомъ у Снеля говорится въ посмертномъ изданіи, въ главѣ: *Seilentriebe bauen den Leib und bewirken die Hoherbildung der Gattungen*). Съ нашей стороны была бы совершенно напрасной попытка воспроизвести образъ первобытнаго предка, въ которомъ исчезало различіе между животнымъ и человѣкомъ точно такъ же, какъ и ближайшихъ къ нему по времени первенцовъ: мы должны навсегда отказаться отъ мысли воспроизвести ихъ образъ. „Земля въ своихъ глубинахъ скрываетъ ихъ останки, и если мы найдемъ ихъ, то не узнаемъ.“

Признавъ такимъ образомъ, что нельзя возстановить образъ первобытнаго предка, Снель тѣмъ не менѣе старается набросать нѣсколько чертъ, по которымъ можно судить о его наружности. Въ первый великій періодъ творенія организмовъ—въ періодъ палеозической, когда еще не было населенныхъ странъ, и вся жизнь заключалась въ текущихъ элементахъ, уже находятся основныя черты позвоночныхъ животныхъ, къ которымъ по своей организаціи принадлежить и человѣкъ. Обыкновенно всѣхъ позвоночныхъ палеозическаго періода называютъ рыбами, основываясь только на томъ, что они жили въ водѣ. Съ современными чешуйчатыми рыбами они не имѣли ничего общаго. Впрочемъ, въ ихъ загадочныхъ странныхъ формахъ мы не должны искать фигуры маіоратнаго владѣльца. Эти формы представляли собою нѣчто сравнительно установившееся, въ нихъ очень замѣтно выступали черты животнаго уклада такъ, что по нимъ можно было гадать о младшихъ членахъ фамиліи. Замѣчательно, что въ глубочайшихъ древнѣйшихъ слояхъ перваго періода, мы не находимъ никакихъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ.

Весьма вѣроятно, что тѣ организмы, которымъ предназначено было совершать свое дальнѣйшее развитіе на сушѣ, во время своей жизни въ водѣ не развились до установившихся и твердыхъ формъ, а жили въ ней какъ слабые головастики, и только по мѣрѣ выхода на воздухъ и на сушу формировались ихъ части и члены, какъ въ наше время это дѣлается съ лягушками. (Это сравненіе Снеля навѣяно на него, очевидно, прежде существовавшими теоріями о происхожденіи человѣка отъ гигантской допотопной лягушки. А эта теорія была подсказана создавшимъ ее отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что лягушка есть единственное изъ животныхъ, имѣющее, какъ и человѣкъ, икры).“ Такимъ образомъ, эти первыя позвоночныя животныя могли исчезнуть и вымереть безъ малѣйшаго вреда для дальнѣйшихъ генеалогическихъ родовъ позвоночныхъ животныхъ. Понятно, что творенія съ задатками высшаго развитія должны были трудиться дальше надъ своей внутренней обработкой, пока не выработали, себѣ прочныхъ формъ“ (S. 106, 108—110). Таково своеобразное ученіе Снеля.

Отъ нѣмцевъ перейдемъ въ Англію. Ляйэлъ, какъ и Дарвинъ, склонился здѣсь къ ученію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Въ своихъ „Основахъ геологіи“ онъ говоритъ объ этомъ неясно, онъ склоняется къ мнѣнію, что человѣческій родъ произошелъ отъ одной пары, мнѣніе, которое понятно, не приѣмлется эволюціонною доктриною. Но въ сочиненіи „Геологическія доказательства древности человѣка“ онъ рѣшительно становится на сторону эволюціонной теоріи происхожденія человѣка и высказываетъ одну мысль, которой нѣтъ у Дарвина, и ради которой и слѣдуетъ отмѣтить его взглядъ. Дарвинъ происхожденіе человѣка приписываетъ вліянію безконечно малыхъ измѣненій, Ляйэлъ высказываетъ мысль о возможности скачковъ въ развитіи органическаго міра. „Мы несогласны съ мнѣніемъ, говоритъ онъ, что теорія измѣнчивости и естественнаго подбора необходимо заставляетъ насъ принять существованіе совершенно незамѣтнаго перехода отъ инстинкта высшихъ животныхъ къ совершенствующемуся уму человѣка. Рожденіе необыкновеннаго гения отъ родителей, не показывающихъ особыхъ умственныхъ способностей, стоящаго выше своего вѣка или племени, представляетъ явленіе, которое не слѣдуетъ упускать изъ

виду при разсмотрѣніи того, не представляютъ ли иногда послѣдовательныя ступени развитія случайныхъ скачковъ и перерывовъ въ непрерывной въ другихъ отношеніяхъ цѣли психическихъ измѣненій“.

Третьимъ (послѣ Дарвина и Мэйеля) англійскимъ ученымъ, предложившимъ свой взглядъ на происхожденіе человѣка, является Уоллэсъ. Уоллэсъ признаетъ, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ родоначальниковъ, но только путемъ не одного естественнаго, а и искусственнаго подбора. Естественный подборъ сохраняетъ въ борьбѣ за существованіе только приспособленнѣйшихъ, естественный подборъ образуетъ и фиксируетъ только тѣ признаки у животныхъ, которые имъ полезны. Но при подборѣ искусственномъ подбирающее разумное лицо можетъ фиксировать тѣ или иные признаки ради какойнибудь отдаленной цѣли. Изучая человѣка съ его физической и психической стороны, Уоллэсъ приходитъ къ заключенію, что въ физической и психической организаціи дикарей находится много такого, что имъ совершенно не нужно, и что заложено въ нихъ ради отдаленныхъ цѣлей, дикарь, напримѣръ владѣетъ мозгомъ философа, а на самомъ дѣлѣ ему нуженъ мозгъ немного больше того, который имѣетъ обезьяна. Должно полагать, по Уоллэсу, что большой мозгъ образованъ въ дикарѣ ради его будущаго цивилизованнаго состоянія, когда онъ съ пользою будетъ употреблять его. Мягкая, голая, чувствительная кожа, лишенная волосъ, замѣчательно совершенное строеніе рукъ и ногъ, чрезвычайно сложное, строеніе гортани, всѣ эти свойства совершенно ненужныя, а иногда и вредныя для дикарей, понятно, не могли произойти путемъ естественнаго подбора. Относительно сферы духовной Уоллэсъ говоритъ: „многія изъ умственныхъ способностей дикаря не имѣютъ никакого приложенія ни къ отношенію его къ своимъ собратіямъ, ни къ улучшенію матеріальной стороны его существованія. Понятіе о вѣчности и безконечности и всѣ чисто отвлеченныя представленія о формѣ, числѣ и гармоніи, играющія такую важную роль въ жизни цивилизованныхъ племенъ, находятся совершенно внѣ круга идей дикаря и не имѣютъ никакого вліянія ни на индивидуальность, ни на его племенное существованіе. Такія свойства, слѣдовательно, не могли развиваться путемъ сохраненія полезныхъ формъ мысли,

а между тѣмъ мы находимъ случайные слѣды ихъ и при низкой степени цивилизаціи и еще въ такое время, когда они не могли имѣть никакого практическаго вліянія на благосостояніе отдѣльныхъ особей или семействъ и племень. Точно также мы не можемъ объяснить естественнымъ подборомъ развитія нравственнаго чувства или сознанія“. Всѣ эти признаки, однако, необходимы человѣку для его развитія и они были заложены и развиты въ немъ, по мнѣнію Уоллеса, рода отдаленнѣйшихъ цѣлей цивилизаціи. „Я вывожу изъ этого ряда явленій, говоритъ онъ, оканчивая свое разсужденіе о происхожденіи человѣка (стр. 328—391), то заключеніе, что нѣкоторое высшее интеллигентное существо давало опредѣленное направленіе развитію человѣка, направляло его къ специальной цѣли совершенно такъ, какъ человѣкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ. Законы развитія сами по себѣ, можетъ быть, никогда не произвели бы зерна столь хорошо приноврѣннаго къ нуждамъ человѣка, какъ пшеница или маисъ, не произвели бы такихъ плодовъ, какъ, безсѣменные бананы и плоды хлѣбнаго дерева, или такихъ животныхъ, какъ гернейскія дойныя коровы и лондонскія ломовыя лошади. Но всѣ приведенныя формы такъ похожи на тѣ, которыя произведены природою безъ вмѣшательства человѣка, что мы легко можемъ себѣ представить, что лицо, основательно знакомое съ законами геологическаго развитія органическихъ формъ, не захочетъ повѣрить, чтобы въ произведеніи ихъ участвовала какая то особая новая сила и презрительно отвергнетъ теорію (какъ можетъ быть и моя теорія будетъ отвергнута многими, согласными со мной въ другихъ пунктахъ)—отвергнетъ теорію, что въ этихъ немногихъ случаяхъ нѣкоторая разумная сила для собственныхъ цѣлей направляла и контролировала дѣйствіе законовъ измѣнчивости, размноженія и переживанія приспособленнѣйшихъ. Однако, мы знаемъ, что такая сила въ разсматриваемомъ примѣрѣ участвовала, поэтому мы по крайней мѣрѣ должны допустить возможность того, что, если мы не высшія интеллигентныя существа всей вселенной, то нѣкоторое высшее, чѣмъ мы, интеллигентное существо направляло процессъ развитія человѣческаго рода, направляло при томъ такими тонкими средствами; о которыхъ мы даже не можемъ

составить себѣ понятія по тѣмъ, которыми сами располагаемъ. Въ то же время я долженъ сознаться, что эта теорія неудобна тѣмъ, что требуетъ вмѣшательства какой то разумной индивидуальности, въ образованіе того, что мы можемъ разсматривать какъ конечную цѣль всего органическаго міра, т. е. въ образованіе интеллектуальнаго и нравственнаго безконечно совершенствующагося человѣка. Теорія эта заставляетъ допустить, что великіе законы, управляющіе матеріальнымъ міромъ, недостаточны для произведенія человѣка или, по крайней мѣрѣ, мы должны допустить и при томъ на вѣру контроль высшей интеллигенціи, какъ необходимую составную часть этихъ законовъ, настолько же необходимую, насколько необходимо дѣйствіе окружающей среды для развитія органическаго міра“.

Противъ теоріи Уоллеса, какъ онъ и предвидѣлъ возстали очень многіе чистые дарвинисты, можно даже пожалуй сказать, что онъ остается единственнымъ послѣдователемъ своей теоріи. Въ Англіи противъ него поднялись Дарвинъ, Стеенструпицъ, Клапаредъ, у насъ въ Россіи противъ него писалъ Вагнеръ. А нѣкоторые русскіе ученые (бывшій профес. Петровск. Академіи Линдеманъ) поступили съ его теоріею очень своеобразно, онъ перевелъ на русскій языкъ его книгу о естественномъ подборѣ, выкинувъ изъ нея трактатъ о происхожденіи человѣка и замѣнивъ его заявленіемъ, что и человѣкъ произошелъ по указаннымъ принципамъ естественнаго подбора. На ученіе Уоллеса о происхожденіи человѣка не было сдѣлано никакого намека. Безъ сомнѣнія, это самый простой и въ то же время самый цѣлесообразный способъ предохраненія общества отъ вліянія на него идей, которыя переводчику кажутся несостоятельными и вредными.

Изъ Англіи перейдемъ во Францію. Здѣсь не безынтересно отмѣтить своеобразное ученіе Нодена о происхожденіи человѣка, поставляемое имъ въ связь съ теоріею происхожденія видовъ и—по его мнѣнію—согласное съ ученіемъ Библіи.

Исходное начало, изъ котораго развился весь органическій міръ, Ноденъ видитъ въ протоплазмѣ или первоначальной бластемѣ, ни происхожденія, ни начала дѣйствованія которой онъ не находитъ возможнымъ объяснить. Подъ вліяніемъ органо-пластической или эволюціонирующей силы изъ бластемы образовались протоорганизмы—весьма простые по

своей структурѣ, бесполое и обладающее свойствомъ производить отпрысками мезоорганизмы—нѣчто болѣе сложное, чѣмъ они сами. Эти мезоорганизмы въ свою очередь производили существа нѣсколько болѣе сложныя, чѣмъ сами. Новопроизводимые организмы отличались не только отъ производившихъ, но и между собою. Такъ отъ поколѣнія къ поколѣнію формы умножались, и природа быстрыми шагами шла къ состоянію зрѣлости. Но существа, о которыхъ идетъ рѣчь, еще не были видами, это были только переходныя ступени, видъ личинокъ, единственная роль которыхъ состояла въ томъ, чтобы быть посредствующими между первоначальной бластемой и опредѣленными формами. Разсѣянныя по различнымъ странамъ земного шара, они всюду несли сѣмена будущихъ формъ, которыя должна была произвести изъ нихъ эволюціонирующая сила. Изъ творческой, какою она была вначалѣ, эта сила, истощаясь вслѣдствіе своей собственной дѣятельности, стала консервативной. Тогда формы интегрировались, однако онѣ сохраняютъ остатокъ пластичности, онѣ варьируютъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и отсюда происходитъ множество формъ, изъ которыхъ нѣкогда тоже могутъ образоваться виды.

Прото и мезо-организмы заключали въ себѣ самихъ—каждый сообразно съ своимъ мѣстомъ въ родѣ — рудименты царствъ, типовъ, классовъ, порядковъ, семействъ, родовъ. Мѣста, гдѣ они фиксировались, стали потомъ центрами творенія. Они однако не произвели сразу всѣ формы, которыя заключали въ возможности. Существуютъ значительныя интерваллы между послѣдовательными произведеніями живыхъ существъ; чѣмъ объясняется, почему группы одного и того же порядка не были современными.

Органическіе типы—даже и мало различающіеся между собою—не могли произойти одни отъ другихъ. Вообразимъ, говоритъ Ноденъ, мезоорганизмъ, который бы былъ порядкомъ млекопитающихъ. Со времени его появленія на землѣ всѣ порядки млекопитающихъ — включая порядокъ человека—заклучались бы въ немъ, но очевидно, что мезоорганизмъ, отъ котораго впоследствии долженъ былъ произойти порядокъ А, потенциально долженъ былъ отличаться отъ мезоорганизма, отъ котораго имѣлъ произойти порядокъ В, ибо въ каждомъ изъ этихъ мезоорганизмовъ эволюціонирую-

щія силы, имѣя произвести въ будущемъ различные порядки, были распределены различнымъ образомъ. Явленіе это подобно образованію органовъ въ зародышѣ во время роста. Тамъ мы видимъ, что изъ общаго и единообразнаго начала выходятъ совершенно подобныя части, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи различаются между собою.

Изъ этого видно, что Ноденъ призываетъ въ опору своему воззрѣнію эмбриогеническія явленія, въ которыхъ дарвинисты, въ свою очередь, видятъ опору своей теоріи. Но кромѣ того ученый ботаникъ придаетъ много значенія тѣмъ метаморфозамъ, которыя совершаются отъ яйца. Онъ видитъ истинные прото-организмы въ про-эмбрионахъ мушекъ, въ личинкахъ насѣкомыхъ и множествѣ иныхъ низшихъ животныхъ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на явленіе чередующихся поколѣній, какъ представляющихъ образъ того, что происходило нѣкогда, или—лучше—какъ воспроизводящихъ отчасти „древній или всеобщій процессъ творенія“.

По мнѣнію Нодена, человѣкъ подчиненъ общему закону, и повѣствованіе Моисея есть вмѣстѣ и совершенно истинное и глубоко назидательное. Въ своей первой фазѣ человѣчество заключалось въ глубинѣ нѣкотораго временнаго (переходнаго) организма, уже рѣзко отличавшагося отъ другихъ и не могшаго слиться съ ними. Изъ первичной бластемы, названной въ Библии земнымъ прахомъ (*limon*) является Адамъ. Онъ при своемъ появленіи, собственно говоря, не былъ ни мужчиной, ни женщиной: оба пола не были дифференцированы. Изъ этого личинкообразнаго человѣчества эволюционирующая сила произведетъ видъ. Но для того, чтобы совершилось это великое событіе, нужно, чтобы Адамъ прошелъ черезъ состояніе неподвижное и безсознательное, совершенно аналогичное состоянію куколокъ у насѣкомыхъ подверженныхъ метаморфозамъ. Это состояніе было тѣмъ сномъ, о которомъ говоритъ Библия, и въ теченіе котораго совершился процессъ дифференцированія, аналогичный подобному процессу у медузъ и асцидій. Человѣчество, такъ образовавшееся, сохранило въ себѣ достаточно эволюционирующей силы, чтобы произвести различныя расы. (О теоріи Нодена, см. у Quatrefages'a L'Espèce humaine 1878 pp 89—91).

С. Глаголевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).